

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	7
<i>Предисловие для родителей</i>	9
<i>Предисловие для детей</i>	12
ИЗ ЧЕГО СДЕЛАНЫ БАЛЕРИНЫ	15
<i>Первое секретное примечание для родителей</i>	19
<i>Второе секретное примечание для родителей</i>	20
<i>Третье секретное примечание для родителей</i>	21
ВТОРОЙ РАЗ В ПЕРВЫЙ КЛАСС	22
НА КАКОМ ЯЗЫКЕ ГОВОРIT БАЛЕТ	26
КАК ОТЛИЧИТЬ БАЛЕТНЫХ ТАНЦОВЩИКОВ ОТ ЛЮДЕЙ	31
<i>Диадема</i>	33
<i>Пачка</i>	37
<i>Колет</i>	43
<i>Трико</i>	47
<i>Пуанты</i>	51
КТО ТАКИЕ БАЛЕРИНЫ И ПОЧЕМУ БЫТЬ БАЛЕРИНОЙ	
В ОБЩЕМ-ТО ХОРОШО, НО ЛУЧШЕ НЕ НАДО	57
<i>Сколько в театре балерин</i>	57
<i>Почему в Петербурге площадь возле хореографического</i> <i>училища называется “Ватрушкой”</i>	61
<i>Почему балерины на сцене все время улыбаются</i>	69

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ИНОСТРАНЦА В РОССИИ	74
<i>XIX</i> век	77
<i>XX</i> век	92
КУРС МОЛОДОГО ЗРИТЕЛЯ	98
“Сильфида”	99
“Жизель”	114
“Баядерка”	130
“Дон Кихот”	147
“Спящая красавица”	162
“Лебединое озеро”	177
“Раймонда”	195
ТЕХНИКА БЕЗОПАСНОСТИ	
<i>Инструкция по самостоятельному пользованию балетом</i>	209
ПРОВЕРЬ СВОИ ЗНАНИЯ	214

ОТ АВТОРА

Вообще-то, в балете не бывает добрых волшебников — черной и белой магией, фокусами, чудесами и просто добрыми делами там промышляют женщины: колдуньи, феи и ожившие покойницы. Если и попадетсЯ какой-нибудь колдун, то уж непременно старый и злой, как ссохшийся башмак. А мне вот повезло. Для меня случились сразу четыре исключения.

Алексей Юлианович Тарханов, руководитель блока “Культура” объединенной редакции “Коммерсанта”, был первым, кто все это прочитал — с высоты опыта по выращиванию собственных детей. А их у него, между прочим, трое.

Алексей Викторович Фомкин, бывший танцовщик Мариинского театра, а тогда важный человек в Академии русского балета имени А. Я. Вагановой, открыл все тайны трудного балетного учения замечательному венгерскому фотографу Андрашу Фэкете.

Ну а Андраш Фэкете взял в объектив балетных девочек и мальчиков, чтобы их смогли увидеть и вы.

И все это время, вообразите, я могла запросто позвонить или прийти в гости к моему учителю — профессору Вадиму Моисеевичу Гаевскому, ныне, увы, покойному, который про балетную историю знал все-все, и нет такого человека в театральном мире, который не знал бы самого Вадима Моисеевича.

И только после всего этого, чихнув, заработала наконец нормальная балетная магия: появилась глава издательства “Новое литературное обозрение” Ирина Дмитриевна Прохорова.

Поэтому книжка эта сейчас у вас в руках.

ПРЕДИСЛОВИЕ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

Не буду расписывать, как прекрасен и загадочен классический балет, — раз вы держите в руках эту книжку, значит, балет вам уже понравился и у вас уже возникли вопросы: что это да зачем это? Либо у вас есть ребенок лет пяти–семи–десяти, вы с ним смотрели “Спящую красавицу” и теперь человек ноет, чтобы его отдали “учиться на балерину” (после десяти лет это не опасно — после десяти в хореографические училища уже не принимают).

Если случай первый, то я постараюсь объяснить, что знаю и как могу. Если случай второй, то лучше я вам объясню все прямо сейчас.

Однажды я читала журнал “Paris Match”. Журнал ходил в гости к американской балерине Паломе Эрере. Это вполне недурная балерина, не первой категории, но то был краткий период, когда она вошла в моду: крупная грудь, латиноамериканский темперамент, собственная марка одежды и так далее. И много фотографий. Балерина на сцене. Балерина с папой. Балерина сидя. Балерина на улице. Но не в этом дело. Была и балерина босая. Крупный план стоп.

Это, я вам скажу, зрелище на любителя.

В трещинках, с известковыми камешками ногтей, резко обтянутыми кожей сухожилиями, окаменелыми большими пальцами и белой пылью веков, будто забившейся в складки. Эти ноги могли бы принадлежать мумии из одноименного фильма ужасов.

При том что Палома Эрера — далеко не самая главная на планете балерина, не самая знаменитая, не самая виртуозная, не самая востребованная, то есть не самая перетрудившаяся в балетном классе и не самая загруженная работой на сцене. Тем не менее с ее ступнями, ее телом и ее психикой балет сделал все, что мог. И эта участь не минует никого, кто однажды переступил порог балетного училища и вышел десять лет спустя.

А теперь спрошу: вам — это — нужно?

Предлагаю публиковать фотографию босых ступней Паломы Эреры у входа в хореографические училища — как предлагают печатать на пачках сигарет фотографии легких курильщика, пораженных раком.

Родители, помните! В миг, когда ваш ребенок канючит отдать его “в балет”, он просто не представляет последствий. Даже если вы все честно расскажете. Посему выбор и ответственность лежат исключительно на вас. Раз уж вам все равно, чем пытаться сорванца, то отдайте в музыкальную школу (заодно отомстите соседям).

Если ваш ребенок раздумает быть балетным танцовщиком, но влечение к балету не пройдет, то тоже не радуйтесь: он станет балетным критиком и все равно не вырвется из кармического колеса.

Помнится, с одной моей коллегой-критиком мы в антракте сидели и смотрели на девочку. Мы все в тот вечер пришли на балет “Дон Кихот”, и девочка от избытка увиденного скакала на вощеном полу, девочка

Предисловие для родителей

в красивом бархатном платье, с заботливо заплетенными косичками, — явно любимая мамой и папой.

— Бедная девочка! — сказала я. — Если ей повезет, ее примут в балетную школу.

Мы помолчали.

— Если ей повезет вдвойне, это наша будущая клиентка.

— Тогда — вдвойне бедная, — отозвалась моя коллега тоном, который не сулил ничего хорошего.

Мы были похожи на двух лысых грифов, дожидаящихся на ветке. Грифы не злые, просто таков закон природы и биологическая цепь питания.

То есть в любом случае это судьба.

ПРЕДИСЛОВИЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Привет, ребята, как любят говорить в телепередачах вроде “Спокойной ночи, малыши”. Большинства из вас, думаю, я старше лет на двадцать. Когда мне было семь лет, двадцать казалась устрашающей цифрой — я высчитывала, что в 2000 году мне стукнет 22, и от величия обоих чисел меня брала оторопь: люди так долго не живут. Прямо не верилось.

С тех пор я выяснила, что очень даже живут. И что это совсем немного: у меня сейчас, напри-

мер, куча друзей, которые старше меня лет на двадцать. Правда, с тех пор я заодно успела забыть, каково это — увидеть балет первый раз. А ведь видела же я его когда-то впервые в жизни? И что я тогда подумала? Не помню.

Правда, когда сижу в театре, в угловой ложе, которая выпирает золоченым боком в зал, как нос корабля, рассекающий море, слушаю шорох и нестройные обрывки музыки из оркестровой ямы перед занавесом, закрытым как веко гигантского глаза, то думаю, что эти мои ощущения, наверное, похожи на те — самые-самые первые. Просто я уже не бегу к бархатному барьеру, чтобы заглянуть — глубоко ли в оркестровой яме. Я уже знаю: неглубоко.

Если взрослый человек стоит в оркестровой яме, то он закрыт по макушку.

Что же касается того, вылезет ли оттуда ребенок, если случайно упадет из зрительного зала, то думаю, вряд ли вылезет.

ИЗ ЧЕГО СДЕЛАНЫ БАЛЕРИНЫ

ИЗ обычных маленьких девочек. Только как следует отобранных и обработанных. Для изготовления танцовщиков также берутся обычные мальчики.

Итак, возьмите свежего непитанного ребенка лет десяти.

Нет, лучше лет шести–семи: три следующих года хорошо бы походить для подготовки в

кружок художественной гимнастики. Это все равно что научиться читать еще до поступления в первый класс.

Балетная школа отличается от обычной в основном тем, что скакать здесь можно не только на переменах. В расписании рядом с математикой и русским языком — классический, народный и бальный танцы. Все дети худые и с прямыми спинами. И еще все девочки, от первоклашек до выпускниц, причесаны одинаково: гладкие волосы забраны сзади в узел и под сеточку. Больше никаких крупных отличий нет. Хорошенько разогнавшись по длинному коридору, мальчики скользят на ногах, как по льду, и попадают головой в живот завучу, вышедшему из-за угла. “С рrrрродителями! К диррректору!” — раскатисто летит по коридору. Все как у людей.

Вступительные экзамены в балетное училище — с виду самые легкие в мире. Там не нужно делать ничего. Даже зубрить. Нужно просто

прийти, показаться педагогам, показаться врачу, а там уж они сами решат, куда вас девать дальше. Но принимают обычно человек двадцать, хотя на экзамены приходят несколько сотен. Так что произвести хорошее впечатление на таком фоне на самом деле посложнее, чем правильно решить арифметические задачки или написать небольшой диктант.

Еще весной балетные педагоги начинают знакомиться с детьми, которые придут на вступительный экзамен. А, по правде говоря, исподтишка разглядывают родителей, которых вы привели с собой за руку. Потому что почти все маленькие дети хрупкие и симпатичные. Только потом из такого бледного мотылька возьмет да вырастет румяная толстая хохотушка, и весь труд учителей пропадет зря. Как гадать на кофейной гуще, не все педагоги знают, и для прогнозов будущего смотрят на родителей. Так что, собираясь поступать в балетную школу, предварительно посадите на диету маму. Мотивируйте это тем, что, даже если вы провалитесь на экзамене, она после этого все равно сможет носить джинсы 42–44-го размера: она задумается. И пока вы пропадаете на художественной гимнастике, пусть мама крутит хулахуп, подтягивается на перекладине, плавает в бассейне и работает над осанкой. Мама должна излучать бодрость и активность. Вид иметь свежий и радостный. Нос — холодный.

Осмотрев незаметно маму, педагоги начинают рассматривать ребенка. Длинные ли ноги? Высоко ли эти ноги задираются? Как вытягиваются стопы? Чувствует ли ребенок ритм? Высоко ли может подпрыгнуть? Быстро ли схватывает, когда ему показывают движение? Не робеет ли при виде чужих людей? Ведь если вы боитесь десяти человек экзаменаторов, то что же будет потом, когда на вас станут смотреть несколько тысяч человек из зрительного зала? В балете “Дон Кихот”, например, Дон Кихот выезжает на сцену верхом — на эту роль обычно приглашают лошадей из цирка. Казалось бы, опытные артистки, им вот даже клоуны и дрессированные тигры по соседству не страшны. Но в балете лошади-дебютантки нередко волнуются так, что под покровом испанских плащей на сцену прямо посреди действия приходится выводить уборщиц с совками и вениками. Лошадей понять можно: цирк — это одно, а здесь серьезное искусство, большая ответственность.

Вторую часть экзамена проводят доктора. Щупают позвоночник. Малейшее искривление осанки — и с балетом можно проститься сразу.

Дело не в красоте: просто именно спине, а не ногам, как можно было подумать, в классическом танце приходится тяжелее всего. Она должна быть идеально здоровой — ведь ей еще придется помучиться.

Взвешивают. Измеряют рост, пульс и давление. Проверяют зрение, слух и массу прочих вещей. Вообще такое ощущение, что ребенка собираются запускать в космос, а не ставить к балетной палке.

И это правильное ощущение: учиться балету тяжело почти так же, как быть космонавтом.

В третьей части экзамена нужно станцевать маленький танец — польку, как правило: у нее самый простой и запоминающийся ритм — в детском садике все дети под эту музыку обычно делают утреннюю зарядку.

Затем, если претендентов все равно слишком много, испытания проводят по кругу еще раз. Врач, шпагат, полька — пока на донышке сита не останутся счастливики в нужном количестве.

Но если бы педагоги и балетные доктора не держались так строго и официально — если бы с ними можно было сесть и поболтать запросто, то они рассказали бы секрет: самое главное для настоящего танцовщика — это не ноги, прыжок, здоровая спина и врожденная способность сесть на шпагат, а характер.

Характер должен быть героический. И даже чуточку тверже. Потому что герой совершил свой один-единственный подвиг — и свободен. Его даже наградят. А в балете вас назавтра пригласят повторить то же самое. И так каждый день. Даже герой-рекордсмен Геракл со своими двенадцатью подвигами не может служить образцом.

Каждый день что-нибудь такое отыскивается. Конечно, не лернейские гидры и немейские львы, с которыми сражался Геракл, а всякая ерунда. Но ведь именно с мелочами справиться труднее всего.

То хмурое утро, когда хочется поспать еще хоть пять минут, а надо вставать и ехать на занятия. В Москве и Петербурге всего по одной балетной школе на весь город — так что, где бы вы ни жили, вряд ли получится устроиться так, чтобы эта школа оказалась рядом с домом. Вам точно придется вставать минимум на час раньше обычных детей, чтобы приехать на уроки вовремя.

То интересная книжка, с которой так хочется поваляться на диване.

То кино поздним вечером, которое так любопытно посмотреть.

То усталость и боль в мышцах, как бывало только изредка после физкультуры, и вдобавок никогда и ничего не получается с первого раза. И со второго. И с десятого.

Самое трудное в балете — не остановиться.

Недаром же в старину, в XIX веке, балетная школа была похожа на монастырь. Это сейчас на уроки детей привозят бабушки и после занятий увозят домой. А тогда — как пришел 1 сентября, так уже и не выйдешь до конца года. Только круглых отличников отпускали на каникулы к родным. При школе был устроен интернат. И все ученики жили там. Спали в общей спальне, которая называлась “дортуаром”. По утрам собирались умываться у бака с множеством маленьких краников. А завтракали, обедали и ужинали — тоже все вместе — в столовой. На улицу никого не выпускали. Если вечером был спектакль, то всех детей воспитатели рассаживали в большой карете (тогда они были вместо автобусов), везли в театр и сразу после выступления снова собирали в ту же карету и отвозили обратно в школу. Такая суровая, аскетичная жизнь очень помогала не разбрасываться. С первого класса приходилось думать только о танцах. А о чем же еще думать? Ни кино, ни телевизора, ни дивана для книжки. А если не хочется вставить темным зимним утром, то придет воспитатель и все равно поднимет. Видимо, поэтому в истории русского балета вспыхнуло так много ярких звезд.

Теперь же приходится рассчитывать только на личную силу воли.

Ну и еще, по правде говоря, на магию.

Учиться в балетной школе — чистое волшебство. Потому что она похожа на старый замок с привидениями, только все привидения здесь прекрасны. Портреты великих танцовщиков прошлого висят в школе на стенах, и будто нарочно все эти люди еще при жизни были запечатлены в костюмах добрых фей: в белых пышных одеждах, с цветами, в венках...

Петербургская балетная школа прописана по своему нынешнему адресу на улице Зодчего Росси уже лет двести. Тогда эта улица даже называлась Театральной. Топая каждое утро в школу с ранцем за плечами, сложно не подумать, что этой же дорогой топали, сонно жмурясь, Анна Павлова, Вацлав Нижинский или Галина Уланова.

В школьном музее можно потрогать потемневший атлас на тупельке Улановой. Покашлять от пыли, листая старинные альбомы. Прове-

сти пальцем по бронзовому слепку ноги Павловой. Померяться ростом с костюмом Нижинского и обнаружить, что два года назад ты был ему по грудь, а теперь перерос на полголовы. И очень трудно относиться ко всем этим людям как к уроку истории — появляется такое ощущение, как бывает, когда много друзей, просто они живут в других городах и странах.

Это очень сильное волшебство.

Однажды император Наполеон забрался со своей армией в египетскую пустыню. Было жарко, и французские солдаты изнывали от жажды и тяжести ранцев, а ружья, раскалившись на солнце, обжигали руки. Всем ужасно хотелось пить и домой, а с такими мыслями, конечно, войну нечего и затевать. Наполеон был гениальный полководец и знал, что в бою главное — не только умение, удача и храбрость, а еще и правильное настроение. Он вышел к своей армии, чтобы ее ободрить. Он понимал, что люди устали, отупели от жары, и поэтому экономил слова. “Солдаты! — сказал им Наполеон. — Сорок веков смотрят на вас с высоты этих пирамид”. И ушел к себе. Его слова глубоко тронули каждого. Подтянув животы, облизнув пересохшие губы и обмотав раскаленные ружья лоскутами, солдаты Наполеона ринулись в бой. Так что этот великий человек хорошо знал, о чем говорит. Недаром в его честь назвали торт.

Первое секретное примечание для родителей

Правда ли, что в балетных школах педагоги бьют детей, как показано в художественных фильмах?

Вы, конечно, больше верьте фильмам — вам там и не такое покажут. Особенно про балет. Поймите кинематографистов правильно. Они тоже люди и, как все обычные люди, до ужаса банальны: им приятно пофантазировать, что за эфирно-зефирным фасадом скрывается черная жуть.

Правда же вот в чем.

Урок классического танца — это экстремальная ситуация — на пределе мышечного напряжения и концентрации внимания. Но она случа-

ется каждый день — и это уже достаточный повод не относиться к ней экстремально. Когда вам объясняют: шею туда, голову сюда, руки туда, ноги так, а руки сяк, голова идет не сюда, а кругом. Причем соображать надо в темпе. Ведь в классе еще десять таких же оболтусов.

Но вот вы приняли эту злополучную позу, вытаращив от напряжения глаза, и тут педагог добивает: “И бедро подожми”. Что? Где? Куда? Поверьте, для всех будет лучше, если педагог не будет загружать мозг вам и надрывать голосовые связки себе, а просто подойдет и сам поставит непонятливое бедро на нужное место. Причем больно щипнув. Ведь вы должны почувствовать и запомнить телом, где именно у вас бедро и куда оно должно уйти. А когда мышцы напряжены до полной потери чувствительности, лучше, если педагог щипнет побольнее. Для доходчивости.

Вот что нужно понимать, если вы увидите синяки на вашем обожаемом цветке. Или сам цветок, обливаясь слезами, будет умолять, как Ванька Жуков, забрать его обратно.

Второе секретное примечание для родителей

Это сейчас балетные школы в Москве и Петербурге называются академиями и дают, выходит, высшее образование. Но суть от этого не изменилась — это по-прежнему старые добрые советские ПТУ или еще более старые и добрые императорские ремесленные училища. Если ваш ребенок хватает уверенные пятерки по классическому танцу, но делает четыре ошибки в слове “еще”, ему — и это совершенно разумно — помогут получить по русскому языку неуверенное “три”. Но это же и означает, что если танцевальная карьера для него по каким-то причинам закроется, то добирать образование для обычной жизни и другой профессии придется очень и очень серьезно.

Третье секретное примечание для родителей

О да, разумеется, поглощенный танцами, ваш ребенок уж точно не попадет в дурную компанию и на всю жизнь останется существом сверхдисциплинированным. Давным-давно я читала книжку про какую-то артистку, и глава о ранних ее годах называлась “Украденное детство”. “Боже, какая патетика!” — подумала я раздраженно и книжку закрыла. Но, в общем-то, здесь заключена кое-какая истина. С первого же класса ученики балетной школы включаются в атмосферу не просто жесткой — жесточайшей профессиональной конкуренции. Балетный класс — очень доходчивый способ рано познакомиться с несправедливостью мира. Все ведь очень наглядно: если у Маши ноги длиннее, чем у Глаши, а связки и мышцы от природы лучше приспособлены для танца, то бедной Глаше придется осознать острое и непоправимое неравенство. Утешает лишь то, что настоящие артистки и отличные танцовщицы вырастают именно из таких, как Глаша. Разумеется, понятно почему. Правда, это, кажется, еще никого из них не сделало счастливее — если такая тургеневская постановка вопроса вас, конечно, не смутит.